УДК 327.7, 327.8

Татьяна РОМАНОВА

ДИСКУРС О СУВЕРЕНИТЕТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: СОДЕРЖАНИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Статья поступила в редакцию 21.06.2021

Аннотация. Выступления французского президента Эммануэля Макрона в 2017 г. положили начало дискурсу о суверенитете Европейского союза. Этот дискурс охватил национальные и наднациональные элиты ЕС, а также его экспертное сообщество. В статье выявлены отличительные особенности этого дискурса и определены его возможные последствия для ЕС и его отношений с Россией. Виды (атрибуты) суверенитета, выделенные Стивеном Краснером, служат теоретической основой исследования. Используя дискурс-анализ, автор обозначил три измерения в дискурсе Евросоюза о суверенитете: вестфальский, взаимозависимости и внутренний. Первый и второй проявляются в экономической сфере (особенно в регулировании цифрового рынка), третий – в политике безопасности. Дискуссия об укреплении наднационального уровня в области обороны и безопасности замещает отсутствие дебатов о гражданах как носителях внутреннего суверенитета, ограничивающее и потенциал дискурса о суверенитете ЕС. Де-факто дискурс ЕС о суверенитете – это ответ на глобальные процессы, в которых ЕС усматривает для себя угрозы. Важным компонентом дискурса о суверенитете ЕС стали ценности и роль ЕС как их агента. Во взаимодействии ЕС с миром наблюдается и стремление к независимости, и желание сохранить участие в процессах глобализации. Риторика суверенитета концептуально означает отказ Евросоюза от претензий на нормативную силу. Суверенитет – это и давняя сфера дискуссий ЕС и России, однако дискурс ЕС не создает базу для улучшения этих отношений.

Ключевые слова: ЕС, суверенитет, стратегический суверенитет, вестфальский суверенитет, суверенитет взаимозависимости, внутренний суверенитет, нормативная сила, мягкая сила, регулирование, дискурс-анализ.

Суверенитет – категория, неразрывно связанная с государствами. Европейские сообщества и Евросоюз с 1950-х гг. своим существованием ставили эту категорию под вопрос. Однако в последнее время национальные и наднациональные лидеры, а также экспертное сообщество стали призывать к формированию суверенитета ЕС. В этом контексте цель статьи – выявить отличительные особенности

© **Романова Татьяна Алексеевна** – к.полит.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета, член Бюро Правления АЕВИС. **Адрес:** 193060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3 (8-й подъезд). **E-mail:** t.romanova@spbu.ru, romanova@mail.sir.edu

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520213244>

дискурса о суверенитете и определить его возможные последствия для ЕС и отношений с Россией. Вначале мы кратко суммируем существующие дискуссии о суверенитете в контексте интеграции, а затем проанализируем современную артикуляцию суверенитета ЕС. Теоретической основой анализа служит концепция суверенитета С. Краснера, в частности, выделяемые им виды суверенитета. Будет продемонстрировано, как в дискурсе ЕС проявляются вестфальский суверенитет, суверенитет взаимозависимости и внутренний суверенитет. Методологически исследование опирается на дискурс-анализ высказываний национальных и наднациональных лидеров ЕС, а также его экспертного сообщества, начиная с 2017 г. (когда Макрон впервые обозначил необходимость суверенитета) и до сегодняшнего дня. В завершении приведены потенциальные последствия поворота Евросоюза к концепции суверенитета, в том числе для отношений с Россией.

Категория «суверенитет» в теории европейской интеграции

Категория «суверенитет» зародилась в XVI веке, когда Жан Боден предложил определить его как «абсолютную и вечную власть» в государстве [Bodin, 1962: 24]. Сторонники теории общественного договора дополнили концепцию применительно к внутренней политике, а также обозначили особенности внешнего суверенитета как аспекта взаимодействия государств друг с другом [Гоббс, 1991]. Ключевым атрибутом европейских государств суверенитет стал формально с Вестфальского мирного договора, однако расцвет концепции приходится на XIX век, когда с этим термином стало ассоциироваться невмешательство в дела другого государства. Эта категория закономерно стала центральной и для теории международных отношений [Сергунин, 2010]. При этом принципиальной всегда была связь между суверенитетом и территорией государства [Loughlin, 2003].

Категория «суверенитет» была на повестке европейской интеграции с самого начала. Прежде всего, шли дискуссии о том, что происходит с национальным суверенитетом. Неофункционалисты говорили о слиянии суверенитетов (pooling of sovereignty), в ходе которого страны договаривались вместе использовать часть своего суверенитета, с привлечением наднациональных институтов [Haas, 1958]. Хрестоматийный пример – внешняя торговля ЕС, где страны–члены потеряли способность действовать самостоятельно, а компетенция перешла к наднациональным институтам. Сторонники межгосударственного подхода к интеграции признавали частичную утрату государствами суверенитета, но настаивали, что национальные столицы сохраняют суверенитет в высокой политике [Hoffmann, 1966]. Частичная утрата суверенитета определялась как необходимая гарантия исполнения всеми странами своих обязательств [Moravcsik, 1998] и даже как спасение национальных государств [Milward, 2000]. В этом контексте подробно исследовалось, как страны–члены в различных областях защищают свой суверенитет [Белов, 2018].

Наднациональная система в ЕС при этом анализировалась как находящаяся вне суверенитета, поскольку она соответствует постгоббсианскому миру, где отсутствует иерархическая силовая структура, обеспечивающая порядок и подчинение [Кустарев, 2012; McCormic, 2002; Wind, 2001]. Способность отделить национальный суверенитет от успешного развития отмечалась как позитивная черта государств Европы, отличающая их от США [Keohane, 2002]. Суверенитет также рас-

считался как дезагрегированная категория, а также как реакционная опасность для новой Европы [Walker, 2003: 14, 16]. Отказ от него стал одним из краеугольных камней концепции «нормативная сила Европы», описывающей способность ЕС своим примером определять, что есть норма в современном мире, и влиять на глобальные процессы и различных акторов [Manners, 2002; Романова, 2011]. Таким образом, дебаты о Евросоюзе как наднациональной политической системе сводились к отрицанию суверенитета, к возможности преодолеть эту категорию через процесс интеграции [Schiemann, 2007].

В последние годы исследователи европейской интеграции, однако, заговорили о возможности наделения ЕС суверенитетом. Была предложена «посттрадиционная концепция суверенитета», определяемая как способность претендовать на права высшей правовой и политической инстанции в той или иной области и на конкретном пространстве [Avbelj, 2014; см. также Adler-Nissen and Gammeltoft-Hansen, 2008; Lake, 2003], а также как речевой акт, в котором «делается заявка на существование и характер высшей управляющей власти для соответствующей политической системы» [Walker, 2003: 4]. Этот акт «символизирует трансформацию Европы» [Barbou des Places, 2020: 292]. При этом происходящие в ЕС процессы определяются как оформление плюралистического суверенитета [Walker, 2003], т.е. суверенитетом наделяются и страны-члены, и Евросоюз в целом.

В этом контексте необходимо выявить основной смысл, который связывается с концепцией суверенитета в ЕС на современном этапе, а также последствия этого дискурса для ЕС и его отношений с Россией. Саму дискуссию о суверенитете инициировал Э. Макрон. В своем выступлении в Афинах в 2017 г. он сделал ее одной из трех «надежд» для упрочения ЕС (две другие – демократия и уверенность). В этой речи президент Франции, с одной стороны, апеллировал к тому, что вызовы и всякий риск сегодня являются не национальными, а глобальными (от экономики и миграции до изменения климата). Следовательно, «европейский суверенитет позволит защититься и существовать на основе... правил и предпочтений» ЕС. С другой стороны, он связал суверенитет с возможностью залечить «трещины в демократии», найти к ней новую дорогу.¹ Тремя неделями позднее, однако, Макрон определил суверенитет ЕС уже как «способность существовать в современном мире, защищать наши ценности и наши интересы» и конкретизировал это в шести аспектах: «Европа, которая гарантирует каждый аспект безопасности»; «Европа, которая отвечает на миграционный кризис»; «Европа, которая смотрит на Африку и Средиземноморье»; «Европа как пример устойчивого развития»; «Европа инноваций и качественного регулирования» для цифрового мира; «Европа как экономическая и валютная сила».² Эти выступления не только положили начало современному дискурсу ЕС о суверенитете, но и обозначили почти все его сферы и измерения. «Европейский суверенитет стал категорией, которая описывает и природу, и будущее ЕС» [Barbou des Places, 2020: 288].

¹ Macron, E. Discours du Président de la République, à la Pnyx, Athens, 7 September 2017. URL: <https://www.elysee.fr/front/pdf/elysee-module-786-fr.pdf> (дата обращения: 15 June 2021)

² Macron, E. Initiative for Europe: A sovereign, united, democratic Europe. 26 September 2017. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/europe/president-macron-s-initiative-for-europe-a-sovereign-united-democratic-europe/> (дата обращения: 15 June 2021)

Современные дискуссии о суверенитете можно оценить через теоретическую призму Краснера [Krasner, 1999]. В отличие от тех, кто выделяет лишь государственный и национальный суверенитет [см., например, Sorensen, 1999], Краснер предлагает четыре вида (атрибута) суверенитета. Первый – международный правовой суверенитет, т.е. международное признание другими акторами. Он наименее дискуссионен, т.к. связан с формальными международно-правовыми критериями. Второй – вестфальский суверенитет, т.е. автономия на контролируемом пространстве, невмешательство других акторов во внутренние дела. Третий – внутренний суверенитет, т.е. организация политической власти, способность актора обеспечивать эффективный контроль в рамках соответствующей политической системы, монополия на применение силы, на регулирование. Работы Бодена, а также Гоббса были связаны именно с этим пониманием суверенитета. Наконец, четвертый – это суверенитет взаимозависимости, способность контролировать движение через границу, транснациональные потоки информации, идей, товаров, людей, капитала, загрязнения окружающей среды.

Первые два вида суверенитета, по мнению Краснера, означают власть, компетенции (authority), третий – власть и контроль, а четвертый – лишь контроль. Четыре вида суверенитета связаны друг с другом. Например, суверенитет взаимозависимости страдает от глобализации. Это может и повлиять на внутренний суверенитет, и поставить под вопрос вестфальский суверенитет. В долгосрочной перспективе под угрозой может оказаться и международный правовой суверенитет. Однако виды суверенитета эволюционируют асинхронно.

Для понимания современного дискурса ЕС о суверенитете важны три предложенные Краснером вида. Международный правовой суверенитет не составляет предмет дискуссии: ЕС признан другими игроками, компетенции в нем четко разделены между национальными и наднациональными уровнями и эволюционируют в зависимости от институциональных реформ. Но дискурс представителей ЕС показывает стремление подтолкнуть изменения трех других видов суверенитета в ЕС: вестфальского, взаимозависимости и внутреннего. Рассмотрим это подробнее.

Вестфальский суверенитет

Три аспекта речи Макрона связаны с вестфальским суверенитетом: Европа инноваций и регулирования, ЕС как пример устойчивого развития и как экономическая и валютная сила. Все они объединены одним тезисом: интеграция необходима перед лицом общих угроз, но в особенности, чтобы «не быть подверженными закону сильнейшего – американцам, а вскоре и китайцам», чтобы иметь возможность следовать праву ЕС¹. Таким образом, базовым становится обеспечение невмешательства других в дела Евросоюза.

В дальнейших дискуссиях тема цифрового и технологического суверенитета стала особенно важной. Так, комиссар Тьерри Бретон отмечал, что «цифровой суверенитет» ЕС «основан на трех неразделимых опорах: сила цифровых вычислений, контроль данных и безопасные соединения», где первая – это способность ЕС создать процессоры мирового уровня, основа будущих товаров; вторая – автоном-

¹ Macron, E. Initiative for Europe... Op. cit.

ные облачные системы, а третья – сеть спутников, которые обеспечат широкополосные соединения в Европе¹. Аналогичную позицию высказывала и Ангела Меркель, утверждая важность «цифрового суверенитета» Европы «в ключевых областях, в особенности в квантовых компьютерах, в безопасной и внушающей доверие инфраструктуре данных»². Эта же идея прозвучала и в программе председательства ФРГ в Совете Евросоюза³.

При этом Меркель прояснила, что «цифровой суверенитет означает не протекционизм или право государственных властей решать, какую информацию распространять... это суверенитет над тем, что происходит... изоляционизм – это не выражение суверенитета... но мы должны основываться на разделяемых ценностях... приверженность разделяемому, открытому и безопасному глобальному интернету – выражение суверенитета»⁴. Здесь причудливо переплетаются стремление к вестфальскому суверенитету, к самостоятельному определению регулирования и отказ от изоляционизма. О важности включенности в мировые дела говорил и Макрон⁵.

Элементы вестфальского суверенитета получили свое развитие и в других областях, прежде всего в упомянутой Макроном сфере изменения климата. Так, Т. Бретон артикулировал связь между зелеными технологиями, «превращением Европы в эпицентр "зеленых технологий"» и сокращением зависимости Евросоюза от поставок энергии извне⁶. Депутат Европарламента Я. Жадо также отметил, что «пошлина на выбросы углекислого газа – прекрасный способ примирить климат, промышленность, занятость, стрессоустойчивость, суверенитет и проблемы релокации бизнеса»⁷.

Кроме того, Макрон также подчеркнул, что «суверенитет – это способность производить сегодня и завтра... нужно снова стать производителями... творить на нашей земле – это гарантия нашего суверенитета, защита нашей модели, наших

¹ Breton, T. Europe: The Keys to Sovereignty. 11 September 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/commissioners/2019-2024/breton/announcements/europe-keys-sovereignty_en (accessed 15 June 2021). См. также: Vestager, M. Digital sovereignty in the age of pandemics. Brussels, 2020, 24 April. URL: <https://cerre.eu/events/digital-sovereignty-covid19-Vestager/> (дата обращения: 15 June 2021)

² Merkel, A. Germans kick off their EU presidency with big plans for research and education. 9 July 2020. URL: <https://sciencebusiness.net/news/germans-kick-their-eu-presidency-big-plans-research-and-education> (дата обращения: 15 June 2021)

³ Together for Europe's recovery. Programme for Germany's Presidency of the Council of the European Union. 1 July to 31 December 2020. URL: <https://www.eu2020.de/blob/2360248/e0312c50f910931819ab67f630d15b2f/pdf-programm-en-data.pdf> (дата обращения: 15 June 2021)

⁴ Merkel, A. Speech by Federal Chancellor Dr Angela Merkel opening the 14th Annual Meeting of the Internet Governance Forum in Berlin. 26 November 2019. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-en/news/speech-by-federal-chancellor-dr-angela-merkel-opening-the-14th-annual-meeting-of-the-internet-governance-forum-in-berlin-on-26-november-2019-1701494> (дата обращения: 15 June 2021)

⁵ Macron, E. Discours du Président... Op. cit.

⁶ Breton, T. Europe... Op. cit.

⁷ Jadot, Y. MEPs: Put a carbon price on certain EU imports to raise global climate ambition. 10 March 2021. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20210304IPR99208/meps-put-a-carbon-price-on-certain-eu-imports-to-raise-global-climate-ambition> (дата обращения: 15 June 2021)

ценностей»¹. В этом высказывании не только подчеркивается важность промышленного производства на территории ЕС как основы суверенитета (т.е. вестфальский его тип), но сам суверенитет тесно увязывается, как и в приведенном выше высказывании Меркель, с ценностями Евросоюза, которые требуют защиты в современном мире.

В дополнение Марио Драги, тогда председатель Европейского центрального банка (ЕЦБ), отметил, что ЕС позволяет странам «получить назад суверенитет», поскольку гарантирует определенные правила и «предотвращает несправедливые практики», ограничивая влияние глобализации и отвечая тем самым и на «нужды граждан».² В этом высказывании Драги пошел дальше других представителей ЕС, связав вестфальский суверенитет не только с ценностями, но с гражданами и их потребностями, попытавшись соединить вестфальский и внутренний суверенитеты. Кроме того, в его речи присутствует почти дословная отсылка к ЕС как инструменту восстановления национального суверенитета [Milward, 2000].

Особым аспектом поиска вестфальского суверенитета Евросоюзом стало сопротивление экстратерриториальности санкций США, т.е. влиянию их рестриктивных мер на европейский бизнес. Примечательна, например, резко негативная реакция германского министра иностранных дел Хайко Мааса, который квалифицировал санкции США, затрагивающие строительство «Северного потока – 2», как «неуважение к праву и суверенитету ЕС решать самостоятельно, где и как получать энергетические ресурсы»³. А Карл Бильдт квалифицировал выход США из соглашения по иранскому ядерному оружию, поставивший также европейский бизнес под угрозу, как «массированную атаку по суверенитету... Европейского союза»⁴.

Наконец, риторика суверенитета стала ответом ЕС на инцидент с самолетом «Райнэйр», который был вынужден не только сесть на территории Белоруссии, но и оставить одного из своих пассажиров (белорусского оппозиционера) в Минске. Глава Еврокомиссии квалифицировала действия властей Белоруссии как «атаку на европейский суверенитет»⁵, поскольку судно зарегистрировано в ЕС и следовало с территории одного его государства-участника в другое.

¹ Macron, E. Discours du Président de la République à l'occasion du lancement de la conférence sur l'avenir de l'Europe. 9 May 2021. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/05/09/lancement-de-la-conference-sur-lavenir-de-leurope> (дата обращения: 15 June 2021). См. также Maas, H. 'Sovereignty and solidarity': Germany's plans for the EU's foreign policy. 2020. URL: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/sovereignty-and-solidarity-germanys-plans-for-the-eus-foreign-policy/> (дата обращения: 15 June 2021)

² Draghi, M. Speech on the award of Laurea honoris causa in law from Università degli Studi di Bologna. Bologna, 22 February 2019. URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2019/html/ecb.sp190222~fc5501c1b1.en.html> (дата обращения: 15 June 2021)

³ Maas, H. Statement by Foreign Minister Heiko Maas on the US announcement on plans to tighten guidance on CAATSA. 16 July 2020. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/maas-caatsa/2368756> (дата обращения: 15 June 2021)

⁴ Carl Bildt: Trump's JCPOA exit an 'assault on Europe's sovereignty' // Tehran Times. 14 May 2018. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/423537/Carl-Bildt-Trump-s-JCPOA-exit-an-assault-on-Europe-s-sovereignty> (дата обращения: 15 June 2021)

⁵ Von der Leyen, U. Opening remarks by President von der Leyen at the joint press conference with

Не отстают в очерчивании вестфальского суверенитета и экспертные центры. Исследовательская служба Европарламента предлагает определять стратегический суверенитет как «способность действовать автономно, полагаться на собственные ресурсы в ключевых областях и сотрудничать с партнерами, когда необходимо» [Anghel, 2020]. Европейский совет по внешним отношениям отмечает, что «стратегический суверенитет – это не самодостаточность, а обладание средствами и инструментами для сокращения внешней зависимости в областях, считающихся стратегическими» [Leonard and Shapiro, 2019a]. Обеспечение суверенитета эти авторы при этом видят не как «трансфер силы или национального суверенитета в Брюссель», но как «возвращение его от внешних игроков – будь то государства, как Турция или Россия, или компании, как “Хуавэй” или “Амазон”»¹. Примечателен как набор упомянутых игроков, так и то, что суверенитет становится ответом на «провинциализацию Европы»², т.е. на отказ от единой (западной) системы ценностей, подрывающий и авторитет Евросоюза как агента этих ценностей. Отмечались и отдельные области для наращивания вестфальского суверенитета: цифровая среда [Pisani-Ferry, 2019], энергетическая зависимость и политика санкций [Leonard and Shapiro, 2019a].

Таким образом, первым измерением дискурса ЕС о суверенитете стал вестфальский суверенитет как сопротивление влиянию извне. Главный вопрос здесь – восстановление статуса ЕС как единственного имеющего власть (authority) на его территории, обладающего правом определять здесь регулирование. При этом дискурс о вестфальском суверенитете тесно связан с ценностями, а важным компонентом является сохранение участия в процессах глобализации.

Суверенитет взаимозависимости

Уже в речах Макрона 2017 г. четко прозвучало намерение экспортировать законодательство ЕС за его пределы, в частности, в областях цифровых технологий и охраны окружающей среды. Аналогичная логика читается и в процитированном выше выступлении Меркель. Жан-Клод Юнкер в своей речи о состоянии ЕС в 2018 г. развил это положение, подчеркнув, что обладание крупнейшим рынком дает ЕС возможность «определять стандарты для больших данных, искусственного интеллекта и автоматизации» и, таким образом, поддерживать «европейские ценности, права и идентичность». Именно со способностью продвигать стандарты вовне Юнкер связывал и способность «Европы ... стать суверенным актором в международных отношениях»³, приравнивая по брюссельской традиции Евросоюз к Европе. Эту же

President Michel following the Special meeting of the European Council. 24 May 2021. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_21_2661 (дата обращения: 15 June 2021)

¹ Leonard, M., Shapiro, J. Sovereign Europe, dangerous world: Five agendas to protect Europe's capacity to act. ECFR, London, 1 December 2020. URL: <https://ecfr.eu/publication/sovereign-europe-dangerous-world-five-agendas-to-protect-europes-capacity-to-act/> (дата обращения: 15 June 2021)

² Ibid.

³ Juncker, J.-C. State of the Union 2018. The Hour of European Sovereignty. Brussels, 2018. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/soteu2018-speech_en_0.pdf (дата обращения: 15 June 2021)

линию продолжила Урсула фон дер Ляйен, говоря о «технологическом суверенитете», описанном как право ЕС «делать собственный выбор на основе своих ценностей, уважая собственные законы»¹. Еще ярче эта тема прозвучала у Бреттона: он видит суверенитет в «гарантии того, что те, кто инвестируют, действуют, участвуют в сделках в Европе, уважает наши правила и ценности»².

Отметим и здесь две характерные особенности. Первая: суверенитет взаимозависимости проявляется в артикуляции желания Евросоюза распространять свое законодательство за свои пределы и восстанавливать контроль за транснациональными потоками путем навязывания своего законодательства компаниям, учрежденным в третьих странах (как минимум тем, кто желает поставлять товар и услуги в ЕС). Это элемент участия в глобализации. Вторая особенность – связь суверенитета и ценностей, которые продвигает ЕС. Таким образом, поиск суверенитета взаимозависимости получает дополнительную легитимацию в вопросах, основанных на десятилетиях интеллектуальных дебатов и богатом историческом наследии.

Официальный дискурс о суверенитете взаимозависимости также подкреплен экспертной работой. Исследовательская служба Европарламента подчеркивает потенциал «нормативной способности» и «силы привлекательности» ЕС, а также важность более активного экспорта законодательства и стандартов, что «позволит ЕС продвинуться от мягкой силы к роли того, кто производит правила и способен поощрять свои ценности во всем мире» [Anghel, 2020]. Жан Пизани-Ферри выделяет конкретные элементы: более активно использовать евро, устанавливать цены на выбросы двуокси углерода, поскольку «выбор стоит между европейским суверенитетом и его отсутствием» [Pisani-Ferry, 2019]. Наконец, экспертное сообщество обосновывает связь между способностями Евросоюза укрепить свой суверенитет и защищать/продвигать свои ценности [Leonard and Shapiro, 2019a].

Таким образом, вторым измерением дискурса ЕС о суверенитете стал суверенитет взаимозависимости. Он ориентирован на контроль транснациональных потоков путем экспорта европейского законодательства и стандартов. Как и вестфальский суверенитет, суверенитет взаимозависимости тесно увязывается с защитой европейских ценностей.

Внутренний суверенитет

Говоря о внутреннем суверенитете, Краснер отмечает, что это исторически первый вид суверенитета, который сочетает власть, компетенции (authority) и контроль. Он также часто обозначается как национальный, народный суверенитет [Sorensen, 1999]. В речи Макрона в Афинах дискуссия о суверенитете начиналась как раз с «суверенитета народа, суверенитета их судьбы»³. В то же время народный су-

¹ Von der Leyen, U. Shaping Europe's digital future: op-ed. Brussels, 19 February 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/AC_20_260 (дата обращения: 15 June 2021)

² Breton, T. Speech by Commissioner Thierry Breton at Hannover Messe Digital Days. Brussels, 15 July 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_20_1362 (дата обращения: 15 June 2021)

³ Macron, E. Discours du Président... Op. cit.

веренитет связывался с евроскепсисом, и президент Франции противопоставлял суверенитет как «право решать самим и для себя, право определять свои правила, свое будущее» суверенитету тех, кто возвращается к национальным границам и «отрицает годы совместной истории»¹. Иными словами, внутренний суверенитет как диалог с гражданами стал уделом евроскептиков; в отличие от национальных столиц, граждане не позиционируются как носители суверенитета ЕС².

«Суверенитет, – уточняет Макрон, – это способность наций решать свою судьбу»³. Но это необязательно граждане как носители суверенитета. Драги вообще минимизирует связь суверенитета и участия граждан; ссылаясь на Локка, тогдашний глава ЕЦБ говорил, что «истинный суверенитет состоит не в праве создавать законодательство... а в способности контролировать результаты и отвечать на базовые нужды людей»⁴. Иными словами, демократия на входе (как право граждан участвовать в политическом процессе, управление через граждан) замещается демократией на выходе (т.е. максимальным учетом интересов и потребностей граждан, управлением для граждан).

В дискурсе ЕС внутренний суверенитет присутствует главным образом в курсе его укрепления в сфере обороны и безопасности, усиления сотрудничества наднациональных и национальных институтов. Макрон довольно подробно расшифровал эти положения как необходимость создать «общие силы вмешательства, общий оборонный бюджет и общую доктрину действий», а также реализовать «Европейский оборонный фонд, Постоянное структурированное сотрудничество... дополнить их Европейской инициативой по вмешательству, что позволит интегрировать войска на каждой стадии». Кроме того, была отмечена необходимость более тесного сотрудничества разведывательных служб и создания «общих войск гражданской защиты»⁵.

В этой же тональности была выдержана и часть выступления Юнкера в 2018 г., вращавшаяся вокруг суверенитета. Он, в частности, отметил необходимость вдохнуть новую жизнь в идею «Европы обороны», конкретизировав ее, однако, менее амбициозно по сравнению с Макроном: как Европейский оборонный фонд и Постоянное структурированное сотрудничество⁶. Бретон также предпочел сфокусироваться на Европейском оборонном фонде⁷. Увязывая суверенитет и оборону, Еврокомиссия предпочитает ограничиваться экономическими и технологическими ас-

¹ Macron, E. Discours du Président... Op. cit. См. также Von der Leyen, U. Remarks by President Ursula von der Leyen at the press conference on the outcome of the EU-UK negotiations. Brussels, 24 December 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_20_2534 (дата обращения: 15 June 2021)

² Kundnani, H. Europe's Sovereignty Conundrum *Berlin Policy Journal*. 13 May 2019. URL: <https://berlinpolicyjournal.com/europes-sovereignty-conundrum/> (дата обращения: 15 June 2021)

³ Macron, E. Discours du Président... Op. cit.

⁴ Draghi. Op. cit.

⁵ Macron, E. Initiative for Europe... Op. cit.

⁶ Junker... Op. cit.

⁷ Breton, T. Europe... Op. cit.

пектами. Такой выбор закономерен, учитывая ограниченность компетенций в этой области, а также то, что согласия между странами-членами относительно параметров суверенитета в области обороны и безопасности нет. В частности, министр иностранных дел Германии Х. Маас отмечал, что «инвестиции в европейский суверенитет означают инвестиции в трансатлантическое партнерство»¹.

Экспертное сообщество активнее связывает суверенитет с вопросами безопасности, которые наравне с гражданскими инструментами позволят ЕС «эффективно соперничать в мире жесткой геополитической конкуренции» [Shapiro and Leonard, 2019b]. Пизани-Ферри также отмечает, что в области обороны усилия должны быть сконцентрированы на «общих госзакупках, экспорте вооружений и совместных оборонных инициативах» [Pisani-Ferry, 2019]. Высказываются также осторожные надежды, что позиционирование ЕС как «"суверенного" актора в международных отношениях может создать условия для институциональной реформы, направленной на демократизацию процесса принятия внешнеполитических решений» [Verellen, 2020: 315].

Таким образом, внутренний суверенитет предстает в усеченном виде. Здесь почти отсутствуют разговоры о гражданах как носителях суверенитета. Речь, скорее, идет о суверенитете ЕС как способе создания оптимальных условий для граждан. В то же время внутренний суверенитет предстает как упрочение ЕС в области обороны и безопасности. Однако традиционные разногласия между странами относительно выбора стратегии в этой области заставляют отдавать приоритет экономическому и технологическому измерению.

Последствия артикуляции концепции «(стратегический) суверенитет» на уровне ЕС

Как было показано выше, официальные лица и экспертное сообщество Евросоюза активно артикулируют тезис о суверенитете. Внутри Евросоюза нынешний дискурс означает дальнейшую эволюцию плюралистического суверенитета, где этим качеством наделяются не только страны-члены, но и ЕС в целом. По меткому замечанию Юнкера, «европейский суверенитет рожден от суверенитета стран-членов и не замещает его»². При этом потенциал суверенитета последнего артикулируется более четко. Интересно и экспертное обоснование: «страны-члены всегда будут источником европейского суверенитета... Стратегический суверенитет... направлен на создание смешанной системы управления... спасая национальный суверенитет» [Leonard and Shapiro, 2019a]. Оно также отсылает к теоретическим построениям Алана Милварда [Milward, 2000].

Важным компонентом артикуляции суверенитета, особенно первых двух его измерений, стали ценности, которые ЕС традиционно продвигает (демократия, права человека, верховенство закона). Опора на эти универсальные категории позволяет риторически легитимировать появление на наднациональном уровне категории

¹ Maas, H. 'Sovereignty and solidarity': Germany's plans for the EU's foreign policy. 2020. URL: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/sovereignty-and-solidarity-germanys-plans-for-the-eus-foreign-policy/> (дата обращения: 15 June 2021)

² Juncker... Op. cit.

«суверенитет», представить ее как неизбежное. Более того, связь с ценностями обосновывает и законность действий ЕС по обеспечению суверенитета взаимозависимости (в части экспорта его законодательства). Однако отказ от связи суверенитета с гражданами и демократией потенциально ставит под вопрос ценностное оправдание суверенитета ЕС.

Однако внешний суверенитет, вне зависимости от того, идет ли речь о суверенитете вестфальском или взаимозависимости, всегда был результатом внутреннего суверенитета, способности эффективно «управлять своей территорией и гражданами» [Eckes, 2015: 43]. Вовлечение граждан – необходимая часть процесса [Verellen, 2020]. В этом контексте остается открытым вопрос об успехе дискурса ЕС о суверенитете в части повышения эффективности его деятельности в мире.

Во взаимодействии с миром также наблюдаются противоречия. Первое – столкновение желания обеспечить автономию, независимость внутреннего пространства и при этом воздействовать на пространство других. Это достигается за счет комбинации суверенитетов вестфальского и взаимозависимости, стремления изолироваться и одновременно нормативно влиять на других. Второе – стремление изолировать свое пространство, желание обеспечить вестфальский суверенитет в экономике и технологиях с поддержкой глобализации и либерализации. Неслучайно представители Евросоюза делают акцент на том, что суверенитет не означает изоляцию. Эти настойчивые заявления как раз проявляют противоречие, которое чувствуют и представители ЕС.

Третье – риторика суверенитета концептуально означает отказ ЕС от претензии на нормативную силу. Во-первых, последняя не может быть использована инструментально, – в этом смысле она отличается от нормативной экспансии или от суверенитета взаимозависимости. Нормативная сила – это привлечение к ценностям не путем активных действий, а через объяснение, через воздействие своим примером [Павлова и Романова, 2017]. Во-вторых, риторика суверенитета выявляет стремление ЕС к статусу великой державы (о чем прямо говорит и У. фон дер Ляйен¹), к геополитизации внешних связей ЕС. В-третьих, как отмечалось, риторика суверенитета – это реакция на провинциализацию ЕС, на стремление отдельных стран мира уйти от западной гегемонии, что ставит под вопрос и авторитет ЕС как агента ценностей. Наконец, увязка суверенитета с военными и оборонными аспектами также идет вразрез с концепцией нормативной силы.

Суверенитет – это и давняя сфера дискуссий России и ЕС, где Москва традиционно позиционировала себя как защитницу суверенитета. В стремлении ЕС к вестфальскому суверенитету намечаются точки концептуального соприкосновения Москвы и Брюсселя. В то же время одно из его следствий, которое артикулируют и политическая элита ЕС, и его экспертное сообщество, – это снижение зависимости от поставок энергоресурсов извне и, следовательно, уменьшение экономической взаимозависимости Москвы и Брюсселя. Более того, стремление ЕС к суверенитету взаимозависимости, подкрепляемое ценностной риторикой, будет актуализировать и обострять нормативные противоречия России и ЕС. Следовательно, концепция суверенитета имеет все шансы пополнить список тех терминов, которые использу-

¹ Von der Leyen, U. Remarks... Op. cit.

ют обе стороны, подразумевая, однако, под ними часто диаметрально противоположные вещи и тем самым обостряя двухсторонние нормативные споры.

Список литературы

- Белов В. (ред.) (2018) Защита государственного суверенитета – опыт Евросоюза и европейских стран. ИЕ РАН. Москва: Весь мир.
- Гоббс Т. (1991) Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Москва: Мысль.
- Кустарев А. (2012) Еврогосударство и интеграция Европа. *Pro et Contra*. Январь–апрель. С. 50–67.
- Павлова Е. и Романова Т. (2017) Нормативная сила: теория и современная практика России и ЕС. *Полис*, № 1. С. 162–176.
- Романова Т.А. (2011) Евросоюз как нормативная сила и проблемы ее восприятия в России как барьер на пути политико-правового сближения. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 6. Вып. 1. С. 52–65.
- Сергунин А.А. (2010) Суверенитет: эволюция концепта. *Политэкс*. Том 6. № 4. С. 5–21.

References

- Belov V. (red.) (2018) Zashchita gosudarstvennogo suvereniteta – opyt Evrosoyuza i evropejskih stran. [The defence of state sovereignty – the experience of the EU and European countries]. IE RAN, Ves' mir, Moscow (in Russian).
- Gobbs, T. (1991) Leviathan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo. [Leviathan or The Matter, Form and Power of a Common Wealth Ecclesiastical and Civil] Mysl', Moscow (in Russian).
- Kustarev, A. (2012) Evrogosudarstvo i integrat Evropa [Eurostate and integrat Europe]. *Pro et Contra*. January-april, pp. 50–67 (in Russian).
- Pavlova, E., Romanova, T. (2017) Normativnaya sila: teoriya i sovremennaya praktika Rossii i ES [Normative power: theory and contemporary practice of Russia and the EU]. *Polis*. No 1, pp. 162–176 (in Russian).
- Romanova, T.A. (2011) Evrosoyuz kak normativnaya sila i problemy ee vospriyatiya v Rossii kak bar'er na puti politiko-pravovogo sblizheniya [The EU as a normative power and problems of its perceptions in Russia as a barrier for EU-Russian political and legal approximation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 6. Issue. 1, pp. 52–65 (in Russian).
- Sergunin, A.A. (2010) Suverenitet: evolyuciya koncepta. *Politeks*. Vol. 6. No 4, pp. 5–21 (in Russian).
- Adler-Nissen, R. and Gammeltoft-Hansen, T. (eds.) (2008) Sovereignty Games. Instrumentalizing State Sovereignty in Europe and Beyond. Palgrave MacMillan, New York.
- Anghel, S. (2020) Strategic sovereignty for Europe. EPRS Ideas Paper Towards a more resilient EU. European Parliamentary Research Service, Brussels. PE 652.069. September.
- Avbelj, M. (2014) Theorizing Sovereignty and European Integration. *Ratio Juris*. Vol. 27. No 3, pp. 344–363.
- Barbou des Places, S. (2020) Taking the Language of “European Sovereignty” Seriously. *European Papers*. Vol. 5. No. 1, pp. 287–297.
- Bodin, J. (1962) Six books on the Commonwealth. Basil Backwell, Oxford.
- Eckes, C. (2015) The Reflexive Relationship between Internal and External Sovereignty *Irish Journal of European Law*. Vol. 18. No. 1, pp.33–47.
- Haas, E. (1958) The Uniting of Europe. Stanford University Press, Stanford.
- Herschinger, E., Jachtensuchs, M., Kraft-Kasack, C. (2011) Scratching the heart of the artichoke? How international institutions and the European Union constrain the state monopoly of force *European Political Science Review*. Vol. 3. No 3, pp. 445–468.
- Hoffmann, S. (1966) Obstinate or Obsolete? The Fate of the Nation-State and the Case of Western Europe *Daedalus*. Vol. 95. No. 3, pp. 862–915.
- Keohane, R.O. (2002) Ironies of Sovereignty: The European Union and the United States *Journal of Common Market Studies*. Vol. 40. No 4, pp. 743–65.
- Krasner, S. (1999) Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton University Press, Princeton, N.J.
- Lake, D.A. (2003) The New Sovereignty in International Relations *International Studies Review*. Vol. 5. No 3, pp. 303–323.
- Leonard, M., Shapiro, J. (2019a) Empowering EU Member States with Strategic Sovereignty. ECFR/289, London, June.

- Leonard, M., Shapiro, J. (2019b) Strategic sovereignty: How Europe can regain the capacity to act. *ECFR Policy Brief* No 25, June.
- Loughlin, M. (2003) Ten Tenets of Sovereignty, in N. Walker (ed.) *Sovereignty in Transition*. Hart, Oxford, pp. 55–86.
- Manners, I. (2002) Normative power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*. Vol. 40. No 2, pp. 235–258.
- McCormic, N. (2002) *Questioning Sovereignty: Law, State and Practical Reason*. Oxford University Press, Oxford.
- Milward, A. (2000) *The European Rescue of the Nation State*. Routledge, Abingdon.
- Moravcsik, A. (1998) *The Choice for Europe. Social Purpose and State Power from Messina to Maasticht*. Routledge, Boca Raton, FL.
- Pisani-Ferry, J. (2019) Europe can take a bigger role in providing public goods *Financial Times*. 3 December.
- Schiemann, K. (2007) Europe and the Loss of Sovereignty *International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 56. No. 3, pp. 475–490.
- Sorensen, G. (1999) Sovereignty: Change and Continuity in a Fundamental Institution *Political Studies*. Vol. XLVII, pp. 590–604.
- Verellen, T. (2020) European Sovereignty Now? A Reflection on What It Means to Speak of “European Sovereignty” *European Papers*. Vol. 5. No 1, pp. 307–318.
- Walker, N. (2003) Late Sovereignty in the European Union, in N. Walker (ed.) *Sovereignty in Transition*. Hart, Oxford, pp. 3–32.
- Wind, M. (2001) *Sovereignty and European Integration: Europe Towards a Post-Hobbesian Order*. Palgrave Macmillan, London & New York.

The EU's Discourse on Sovereignty: Content and Consequences

Received 21.06.2021

Author: Romanova T., Candidate of Science (Political), Associate Professor, Saint Petersburg State University. **Address:** 1/3 (entr. 8), Smolnogo St., S.-Petersburg, Russia, 193060. **E-mail:** t.romanova@spbu.ru, romanova@mail.sir.edu

Abstract. Emmanuel Macron's 2017 speeches gave start to the discourse on the European Union's (EU's) sovereignty. This discourse has been advanced by the national and supranational elite of the EU as well as by its expert community. The article identifies key characteristics of this discourse and its potential consequences for the EU and its relations with Russia. The four ways (attributes) in which sovereignty has been used as identified by Stephen Krasner are used as the theoretical basis of the analysis. With the help of discourse analysis, the author identifies three dimensions in the EU's discourse on sovereignty: these are Westphalian, interdependence and domestic sovereignties. The first and the second manifest themselves in the economic field (in particular, in the regulation of the digital sphere), the third one is linked to the discussion on cooperation in the field of security and defence. The discussion on strengthening of the supranational level in the field of security and defence substitutes the absence of the discussion on citizens as holders of domestic sovereignty; it limits the potential of the EU's sovereignty. De facto, the discourse on the EU's sovereignty is a response to global processes, where the EU finds challenges and threats for itself. References to values and to the EU as its agent form an important component of the discourse on the EU's sovereignty. Externally the EU as a result demonstrates both its wish for more independence from external players and its determination to maintain its participation in the globalization processes. The rhetoric of sovereignty also conceptually means the EU's refusal of ambitions to be a normative power. Sovereignty has also been an integral part of EU-Russian discussions. Yet the EU's discourse on sovereignty does not create any prospects for improving this relationship.

Key words: EU, sovereignty, strategic sovereignty, Westphalian sovereignty, interdependence sovereignty, domestic sovereignty, normative power, soft power, regulation, discourse analysis.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520213244>